

ОППОЗИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ <*>

Д.Р. САЛИХОВ

<*> Salikhov D.R. Oppositional activity in Russia: problems and perspectives.

Салихов Дамир Равильевич, студент 2-го курса юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

В статье рассматривается оппозиционная деятельность как конституционно-правовое явление современной России, анализируются особенности статуса оппозиции. Автор приходит к выводу о необходимости институционализации оппозиции и принятия закона об основных гарантиях оппозиционной деятельности.

Ключевые слова: оппозиция; оппозиционная деятельность; политические партии; общественные объединения; СМИ.

The article deals with the opposition activity as a constitutional phenomenon of the Russian Federation today. The author considers specifics of the status of political opposition and arrives at a conclusion that there is the necessity of the institutionalization of the opposition and adoption of a law about the guarantees of the opposition activity.

Key words: opposition; opposition activity; political parties; public associations; mass media.

Оппозиция как конституционно-правовое явление

Несомненно, особым конституционно-правовым статусом обладает оппозиция, которая в широком смысле может быть представлена не только политическими партиями (хотя именно их роль преобладающая), но и другими различными институтами гражданского общества и даже физическими лицами. В литературе отмечается, что иногда к политической системе относят также политических лидеров и политическую элиту, средства массовой информации, группы давления, группы интересов, политические отношения, формы непосредственной демократии и пр. <1>. Своеобразной точкой пересечения различных данных субъектов является обобщающая категория - оппозиция.

<1> Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: Учебник для вузов. М., 1998. С. 147.

Как отмечает С.А. Авакьян, демократическим является такой общественный строй, в котором компоненты гражданского общества получают конституционное отражение, т.е. основу своего существования и развития в конституции государства <2>. Это следует непосредственно относить и к оппозиции. Проблема ее конституционно-правового статуса для современной России сверхактуальна. Как отмечает В.Д. Граждан, гражданское общество в России пока находится в процессе формирования. По мере становления оно начинает все более активно заявлять о себе, что выражается, с одной стороны, в различных оппозиционных социальных акциях организованных групп интересов против современной государственной власти, а с другой - в явном стремлении большинства из этих групп к конструктивному сотрудничеству с государственными органами всех ветвей и уровней власти <3>.

<2> Авакьян С.А. Политический плюрализм и общественные объединения в Российской Федерации: конституционно-правовые основы. М., 1996. С. 16.

<3> Граждан В.Д. Гражданское общество как система негосударственного управления //

Нужно понимать, что в демократическом обществе пока не сложилось единообразного понимания правового содержания политической оппозиции, а также эффективного регулирования оппозиционной деятельности <4>. Даже самый поверхностный анализ зарубежных правовых систем позволяет усомниться в выводе Н.В. Кузьминых о том, что в большинстве стран существует сложившаяся система правовых норм об оппозиционной деятельности <5>.

<4> Васильева С.В. Конституционно-правовой статус политической оппозиции. М.: Институт права и публичной политики, 2010. С. 12.

<5> Кузьминых Н.В. [Оппозиционная деятельность в Российской Федерации](#): к вопросу о принятии федерального закона // Современное право. 2007. N 6.

В современный юридический язык все настойчивее входит словосочетание правящая партия, которое, однако, не лишено существенных недостатков, ключевым из которых является противоречие, возникающее в связи с реализацией принципа многопартийности. Важно отметить, что данное понятие вообще не встречается в отечественных нормативно-правовых актах. Хотя в зарубежной доктрине конституционного права понятие governing (ruling) party встречается довольно часто. Однако, на наш взгляд, следует избегать подобного понятия применительно к конституционному праву России, учитывая исторические особенности, менталитет.

Для современной России актуальна также и проблема слабого развития реальной конкурентной политической среды. Отсюда вытекают и обвинения партии "Единая Россия" в политическом монополизме <6>.

<6> См.: Лебедев В.А., Киреев В.В. Суверенная демократия: проблемы партийного строительства в России XXI века. Челябинск, 2009. С. 64 - 70.

Понятие оппозиции и оппозиционной деятельности

Проблема размытости определения границ понятия "оппозиция" влечет за собой и неоднозначное, а порой и неадекватное восприятие данного института в рамках науки конституционного права.

При попытке раскрытия понятия оппозиции мы сталкиваемся с необходимостью разграничения двух подходов: узкого и широкого. В широком смысле оппозицию можно рассматривать как ключевую форму реализации принципа политического плюрализма, как любую законную форму выражения несогласия. В узком смысле оппозиция - это организационно обособленное объединение граждан, деятельность которого направлена на противодействие власти. Автор данного определения не претендует на абсолютную полноту, но полагает, что именно такой подход будет наиболее обоснованным. При этом выделим следующее. Во-первых, под объединением можно понимать как зарегистрированные общественные объединения, СМИ и пр., так и организации, находящиеся, по сути, на нелегальном положении. Но статус последних сложно сделать объектом изучения конституционного права, поэтому имеет смысл останавливаться именно на зарегистрированных объединениях, хотя следует учитывать существование иных оппозиционных сил. Во-вторых, нужно пояснить термин "противодействие власти". Ключевой аксиомой данной работы видится следующая формула: "Оппозиционная деятельность заключается не в программировании, декларации, объявлении о приверженности к оппозиционным идеям, а в реальном действии". Тогда вопрос об отнесении к оппозиции тех или иных политических партий, общественных объединений и пр. становится еще более неоднозначным, и мы рискуем увести наши рассуждения в сторону от конституционного права. Но именно такой подход к понятию "оппозиция" видится наиболее последовательным и оправданным. Таким образом, квинтэссенцией оппозиционной деятельности являются право и реальная возможность сказать свое слово против. Интересно толкует суть оппозиционной деятельности К. Беше-Головко, отмечая, что она заключается в том, чтобы "мешать власти и предлагать альтернативные подходы в рамках конституционного строя" <7>. Таким образом,

логика оппозиционной деятельности заключается в развитии дискуссии и выражении альтернативных подходов <8>.

<7> Беше-Головко К. Логика оппозиционной деятельности во Франции // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. N 1. С. 83.

<8> Там же. С. 85.

Справедливо отмечается, что политическая оппозиция - одновременно право и обязанность общественно-политических сил и "национальное достояние" демократического государства <9>.

<9> Васильева С. Институционализация парламентской оппозиции как гарантия представительной демократии // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. N 3(70). С. 15.

В этой связи С.В. Васильева дает определение политической оппозиции несколько в иной плоскости: это совокупность правовых и институциональных механизмов, позволяющих поддерживать инакомыслие в общественно-политической системе <10>. Такой подход, хоть и излишне теоретизирует понятие оппозиции, видится логичным.

<10> Васильева С.В. Конституционно-правовой статус политической оппозиции. М.: Институт права и публичной политики, 2010. С. 14.

Так или иначе, перед исследователем проблем оппозиционной деятельности рано или поздно возникает вопрос об институционализации оппозиции. И ответов на него может быть довольно много. Существует подход, согласно которому в современной России не имеет смысла наделять оппозицию особым статусом, так как это не способствует формированию оппозиции <11>. Трудно согласиться с данным подходом, хотя, однако, сам факт институционализации оппозиции не может способствовать ее формированию. При этом институционализация, несомненно, вносит в политическую систему некий элемент стабильности, предсказуемости, особенно в том случае, когда оппозиция и правящие силы меняются местами. В этой связи часто говорят о том, что сильная оппозиция может способствовать, наоборот, некой дестабилизации, разрушению социальной системы <12>. Несомненно, опасность эта существует всегда, однако установление жестких "правил игры" и их соблюдение способны минимизировать такие угрозы. С.В. Васильева усматривает в самой институционализации защиту от дестабилизации <13>.

<11> См., например: Алебастрова И. Оппозиция: политическая тень как средство от политического мрака // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. N 1. С. 67.

<12> Там же. С. 63.

<13> См.: Васильева С.В. Конституционно-правовой статус политической оппозиции. М.: Институт права и публичной политики, 2010. С. 74 - 78.

Что касается политических ветвей власти, в современном мире друг другу часто противопоставляются не законодательная и исполнительная ветви, а политические партии, а именно правящее большинство, которое контролирует и законодательную, и исполнительную власть, и оппозиционное меньшинство <14>. Еще Ю.С. Гамбаров в начале XX века писал, что "система парламентаризма есть правительство партий... он [парламентаризм] предполагает лишь объединение существующих партий для совместного политического действия в две противостоящие коалиции, из которых одна должна управлять, а другая **контролировать**" (выделено мной. - Д.С.) <15>. Эта идея, пришедшая из начала XX в., сегодня как никогда актуальна, ведь от того, какую роль будет играть оппозиция, будет зависеть, насколько эффективным будет управление государством и то, насколько это государство будет служить человеку. Таким образом, видится оправданным подход А.А. Троицкой в рассмотрении статуса парламентской оппозиции через систему разделения властей. Именно на парламентскую оппозицию как политическую силу, противостоящую правительственному курсу, приходится центр тяжести контрольных процедур <16>. Конечно, этот подход не учитывает некие нейтральные силы, но,

учитывая, что такой системе присущ высокий уровень абстрагирования, ее следует признать приемлемой. Более того, такой подход видится весьма разумным с точки зрения конституционной практики. Действительно, правительство, представленное полностью или преимущественно одной партией в условиях значительной численности парламентской фракции соответствующей политической партии в текущих вопросах, будет скорее союзником парламента, чем его оппонентом. А значит, реальным противовесом может стать только сильная оппозиция, обладающая особым набором прав.

<14> Троицкая А. Парламентская оппозиция в системе разделения властей: организационные гарантии и доступные инструменты контроля // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. N 1. С. 67.

<15> Гамбаров Ю.С. Политические партии в их прошлом и настоящем. СПб., 1905.

<16> Троицкая А. Указ. раб. С. 68.

Резонно вызывает сомнение подход к статусу оппозиции как к некоему перманентному явлению. В действительности, если оппозиционная партия получит места в правительстве, то вопрос о сохранении за ней статуса оппозиции снимается в принципе, но это отнюдь не означает, что данная политическая сила не является оппозиционной, а только прикрывается оппозиционными идеями. Ключевой критерий здесь - реальная деятельность, о чем отмечалось выше.

Средства массовой информации и оппозиционная деятельность

Конституция Российской Федерации гарантирует свободу массовой информации, запрещает цензуру (ч. 5 ст. 29). Ключевым аспектом деятельности большинства федеральных средств массовой информации (далее - СМИ) является освещение деятельности государственных органов и должностных лиц и ее оценка. В этой связи имеет смысл выделить несколько проблем.

Во-первых, проблема доступа к информации. Граждане имеют право на оперативное получение через средства массовой информации достоверных сведений о деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений, их должностных лиц <17>. Но не так проста реализация данной нормы. Для жителей крупных городов проблема эта не стоит вовсе, но для подавляющего большинства сельских жителей, жителей небольших городов перечень телеканалов, печатных СМИ, радиостанций сокращается в разы, а значит, ставится под вопрос и возможность всесторонней оценки деятельности государственных органов и органов местного самоуправления. Решение данной проблемы лежит, на мой взгляд, в расширении перечня общероссийских обязательных общедоступных теле- и радиоканалов <18> за счет включения в него негосударственных каналов, которые не станут "рупором правящего слоя" <19>, а будут оставаться "наблюдателем общества" <20>. Причем необходим не подзаконный акт, а соответствующий федеральный закон. Отсюда прямо вытекает еще одна проблема, о которой все чаще и чаще говорят, - это необъективность государственных СМИ в освещении вопросов государственной жизни. На мой взгляд, сама проблема должна ставиться по-другому. Действительно, в подобной ситуации мы имеем дело с нарушением принципа *petio iudex in sua causa* <21>, т.е. государство как учредитель СМИ так или иначе влияет на информационную политику данного СМИ. Поэтому увеличение роли негосударственных СМИ становится принципиальной задачей.

<17> [Статья 38](#) Закона РФ от 27 декабря 1991 г. N 2124-1 (в ред. от 9 февраля 2009 г.) "О средствах массовой информации" // Российская газета. N 32. 1992. 8 февраля.

<18> См.: [Указ](#) Президента РФ от 24 июня 2009 г. N 715 "Об общероссийских обязательных общедоступных телеканалах и радиоканалах" // Российская газета. N 114. 2009. 25 июня.

<19> Современные проблемы конституционного и муниципального строительства: опыт России и зарубежных стран: Материалы международной научной конференции. Юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, 10 - 13 марта 2010 г. / Отв. ред. С.А. Авакьян. М., 2010. С. 13.

<20> Application no. 13778/88, Case of Thorgeir Thorgeirson v. Iceland, Judgment of 25 June 1992. Series A, N 239, p. 27, § 63.

<21> Лат. Никто не может быть судьей в собственном деле.

Во-вторых, это проблема оценки деятельности государственных органов СМИ. Очевидно, что определенную грань здесь переходить нельзя, но несомненно, что грань эта намного шире по отношению к государственному органу и должностному лицу, нежели к любому другому лицу. Показательным видится [решение](#) Европейского суда по правам человека по делу "Гринберг против Российской Федерации" <22>. В этом решении суд отмечает, что свобода выражения мнения представляет собой один из основных принципов демократического общества. Пресса выполняет существенную функцию в демократическом обществе. Причем суд определяет, что границы допустимой критики в отношении государственного служащего, осуществляющего свои властные полномочия, могут быть шире, чем пределы критики в отношении частного лица, поскольку первый неизбежно и сознательно открывает себя для тщательного наблюдения за каждым своим словом и поступком со стороны журналистов и большей части общества, и, следовательно, он должен проявлять большую степень терпимости. Небесспорно то, что СМИ имеет право на преувеличения и даже провокации. В этой связи еще более жесткую позицию выразил Европейский суд в решении по делу "Хэндисайд против Соединенного Королевства" <23>: свобода выражения мнений применима и к идеям, которые "оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство государства или любой части населения" (пункт 49 Постановления). Европейский суд также выразил принципиальную мысль о том, что не только СМИ, но и любые оппозиционные силы имеют больше возможностей для критики, так как пределы допустимой критики в отношении правительства шире, чем в отношении рядового гражданина <24>.

<22> Application no. 23472/03, Case of Grinberg v. Russia, Judgment of 21 July 2005.

<23> Application no. 5493/72, Case of Handyside v. the United Kingdom, Judgment of 7 December 1976.

<24> Кузьминых Н.В. Проблемы реализации права на оппозиционную деятельность // Российский юридический журнал. 2008. N 2. С. 74.

В-третьих, более гибко должен решаться вопрос об отнесении тех или иных интернет-ресурсов к СМИ, так как данная сфера становится все более и более важным источником информации для значительной части населения, а значит, Интернет становится мощным инструментом оппозиционной деятельности.

Политические общественные объединения

Хочется обратить внимание, прежде всего, на общественные объединения, созданные политическими партиями или при их участии. Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации: "Для политических партий и для некоторых иных общественных объединений (например, молодежное демократическое антифашистское движение "Наши" или "Объединенный гражданский фронт") политическая деятельность является основной и даже единственной, а для других общественных объединений она может быть и дополнительной (некоторые правозащитные организации) или имплицитной (политические консалтинговые организации или центры формирования и изучения общественного мнения), что предполагает и разнообразие организационно-правовых форм политических объединений: от политических партий до коммерческих организаций" <25>. Таким образом, учитывая столь широкий спектр политических объединений, выделим некоторые особенности их статуса. К целям деятельности общественных объединений закон относит политические цели. Это означает необходимость наделения данных общественных объединений целым спектром прав в соответствии с принципом идеологического многообразия. Остановимся лишь на некоторых.

<25> [Определение](#) Конституционного Суда РФ от 5 марта 2009 г. N 467-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бухалова Юрия Валентиновича на нарушение его

конституционных прав положением части второй статьи 28 Федерального закона "Об общественных объединениях" // Текст официально опубликован не был.

Во-первых, право беспрепятственно пропагандировать свои идеи, убеждения, взгляды относительно различных вопросов государственной и общественной жизни. Реализация данного права возможна различными путями: через публичные мероприятия, СМИ, Интернет и пр. Это право, несомненно, не должно носить абсолютный характер, но любое ограничение должно быть наименьшим из возможных и обоснованным.

Во-вторых, право публично защищать свои идеи, воззрения, вести дискуссию с иными политическими силами.

В-третьих, это право требовать по суду или через иные органы государства устранения препятствий, связанных с реализацией права на идеологическое многообразие <26>.

<26> См. подробнее: Бархатова Е.Ю. [Комментарий](#) к Конституции Российской Федерации. М.: Проспект, 2010.

Политические партии и оппозиционная деятельность

Важнейшим в данном вопросе является фундаментальный принцип невмешательства государства в дела политических партий. При этом нужно понимать, что существуют лишь доктринальные толкования данного принципа <27>.

<27> См., например: Комментарий к Федеральному закону "О политических партиях" / Под ред. В.В. Лапаевой. М., 2002.

Для продолжения демократического развития в данной сфере необходимо всемерно создавать условия для развития не только "ключевых игроков", но и малых партий, поддержка которых избирателями все еще недостаточна для прохождения в Государственную Думу. Как уже отмечалось, существенной для современной России стала проблема слабого развития, а порой и отсутствия конкурентной политической среды. Л. Радзиховский полагает, что "Единая Россия" может сформироваться в качестве эффективной демократической партии, "не впасть в КПСС" только в условиях конкуренции. "Единая Россия" должна конкурировать с сильными партиями <28>. Ситуация эта становится абсолютно тупиковой из-за фактической невозможности создания партий "снизу" в силу высоких требований к количеству членов и структурных подразделений в субъектах.

<28> Радзиховский Л. Единая российская элита // Независимая газета. 2006. 7 марта.

Переход к пропорциональной системе на выборах не только депутатов Государственной Думы, но и представительных (законодательных) органов субъектов свидетельствует, с одной стороны, об увеличении роли всех политических партий, с другой - об уменьшении реальной роли оппозиционных партий. Дело в том, что полностью исключается личностный фактор, а значит, снижается интерес к выборам. Партии определяют только своих лидеров, которые возглавляют список на выборах, но эта практика кажется как минимум необоснованной, так как этими лидерами часто становятся лица, которые заведомо не будут представлять партию в законодательном органе. Так, имеет место практика, например, когда глава государства возглавил список одной из партий, не являясь ее членом, или когда одна из партий на местных выборах выдвинула в качестве первого номера в списке лидера партии, депутата Государственной Думы. Все это, естественно, влечет за собой снижение интереса к выборам, уменьшение явки на выборы и в результате падение уровня доверия к партиям, законодательной власти и государству в целом. Отсюда вытекает закономерная потребность в отмене графы "против всех" и порога явки избирателей, что, очевидно, не способствует строительству правового государства, демократизации политической жизни.

Но прежде всего от этих нововведений страдают именно оппозиционные партии.

Избиратель, который теперь считает, что от него ничего не зависит, может просто не явиться на выборы, отдав фактически свой голос за партию-победителя. Кроме того, в условиях смешанной системы оппозиционные партии за счет именно личностного фактора могли получить больше мест по результатам выборов в округах. Для таких депутатов существовала только проблема того, что если они не примкнут к какой-либо фракции, их деятельность в Государственной Думе будет невозможна фактически.

На данном этапе построения правового государства в России следует решить целый ряд сложных, многоаспектных проблем, связанных с оппозиционными партиями.

Во-первых, это проблема создания политических партий. Видится неоправданно высоким требование к численности партии. Так, в начальном варианте Закона о политических партиях закреплялось положение о 10 000 членов партии, однако уже в редакции от 20 декабря 2004 г. это число было увеличено в пять раз, что создало непреодолимое препятствие для малых партий. Сейчас происходит обратный процесс постепенного снижения минимальной численности членов партии до 40 000. Эта в целом позитивная тенденция видится абсолютно недостаточной. Кроме того, требование о наличии структурных подразделений более чем в половине субъектов Российской Федерации хотя и обоснованно, так как препятствует созданию партий-"однодневок", но делает невозможным создание партий "снизу", препятствуя таким образом развитию оппозиции на местах. Поэтому имеет смысл наделить структурные подразделения, отвечающие требованиям закона, правом участия в местных выборах вне зависимости от того, созданы ли такие структурные подразделения еще в половине субъектов или нет. Такое решение не дает широких возможностей для партий-"однодневок", но способствует развитию оппозиции "снизу".

Во-вторых, необходимо реформировать избирательную систему. Отмена графы "против всех" и порога явки на выборах не способствует развитию гражданского общества. Снижение минимального процента голосов избирателей для прохождения в нижнюю палату парламента с 7% до 3% также способствовало бы позитивному развитию.

Переход к пропорциональной системе на местных выборах таит в себе очень опасную тенденцию - полный отрыв и независимость избранных от избирателей. Механизм отзыва депутатов на местных выборах явился бы сильным и эффективным способом борьбы с недобросовестными депутатами, предотвратил бы возрастающий отрыв избранных от избирателей.

К вопросу о принятии Федерального закона об основных гарантиях оппозиционной деятельности

Существование единого специального закона о правах и гарантиях оппозиционной деятельности - явление исключительное. Так, С.В. Васильева приводит в качестве примера Республику Кабо-Верде <29>. Действительно, как правило, отдельные нормы фиксируются в законодательстве о политических партиях, общественных объединениях, избирательном законодательстве, регламентах парламента (его палат). Причем и в таком случае подходы используются принципиально разные. Так, в ряде стран (Франция, Португалия, Соединенное Королевство) оппозиционная деятельность признается на конституционном уровне <30>. Например, в Соединенном Королевстве еще в 1937 г. был принят Акт о министрах Короны, закрепивший не только существование официального оппонента премьер-министра - лидера оппозиции, но и его жалование <31>. Деятельность "теневое правительство" сегодня сводится, по сути, к участию в дебатах на уровне палат парламента, хотя в переломный момент "теневой кабинет" может стать спасительным, приняв на себя функции правительства. Что же касается парламентских процедур, то и здесь прослеживается логика "правящая партия - оппозиция". Например, при обсуждении законопроекта во втором чтении после министра, выступающего с одобрением законопроекта и характеристикой целесообразности его принятия, выступает представитель оппозиции, речь которого рассматривается не только как официальное заявление, но и как мнение оппозиции в целом. Подобными примерами полон законодательный процесс Соединенного Королевства.

<29> Васильева С.В. Конституционно-правовой статус политической оппозиции. М.: Институт

права и публичной политики, 2010. С. 11.

<30> Там же. С. 12.

<31> См. подробнее: Brazier, Rodney. Ministers of the Crown. Oxford University Press, 1997.

В большинстве государств (в их числе ФРГ, Российская Федерация, большинство стран Восточной Европы) гарантии оппозиционной деятельности реализуются косвенным путем, например, через принцип партийной пропорциональности. В этой связи показательно наделение представителей партий, набравших на выборах депутатов Госдумы от 5 до 7%, правами парламентских фракций <32>. Подобного рода позитивное нововведение, инициатором которого выступил Президент РФ Д.А. Медведев, бесспорно, благоприятно влияет на развитие оппозиции, хотя и не в состоянии в корне изменить сложившееся доминирование одной политической силы.

<32> [Статья 82.1](#) Федерального закона от 18 мая 2005 г. N 51-ФЗ (в ред. от 23 декабря 2010 г.) "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" (принят ГД ФС РФ 22.04.2005) // СЗ РФ. 2005. N 21. Ст. 1919.

Несомненно, определенные шаги в направлении регулирования оппозиционной деятельности в России сделаны, но до сих пор не принят закон об основных гарантиях оппозиционной деятельности. Попыток сделать это с 1996 г. было три, но ни одна из них не увенчалась успехом. К сожалению, в итоге законодатель пришел к тому, что дальнейшее рассмотрение законопроекта нецелесообразно <33>.

<33> Подробнее см.: письмо Президента РФ от 7 апреля 1997 г. N Пр-484 // Документ опубликован не был.

Но, несомненно, такой закон России необходим. Не менее важно и совершенствование уже существующего законодательства о политических партиях, об общественных объединениях, о СМИ, о публичных мероприятиях.

Вопрос о гарантиях для оппозиционных партий в парламенте в нашей стране долгое время вообще не поднимался. Объясняется это тем, что на протяжении долгого времени в тогда еще Советской России компартия была не только правящей, но и единственно возможной политической партией в Советском Союзе <34>. Проблема здесь еще и в том, что можно поменять законы, но нельзя сиюминутно изменить мышление.

<34> Авакьян С.А. Политический плюрализм и общественные объединения в Российской Федерации: конституционно-правовые основы. М., 1996. С. 33.

Продолжение данного исследования видится в рассмотрении вопроса о перечне гарантий оппозиционной деятельности, их классификации. Кроме того, имеет смысл детально проанализировать законопроекты об основных гарантиях оппозиционной деятельности, выявить их достоинства и недостатки.

Изучение конституционно-правового статуса оппозиции видится одним из сверхактуальных направлений в конституционном праве. Оппозиционная деятельность - необходимость для гражданского общества, в котором господствует плюрализм взглядов, идей, концепций. Государству всегда необходим запасной путь развития, дать который способна только сильная, реально функционирующая оппозиция.
